

Голос Люй Бувэя разнёсся так громко, что его услышал каждый в караване.

Большинство слуг наняли в Ханьдани — люди просто пытались спастись от войны, и верных, преданных лично торговцу людей среди них едва ли набиралось десятков.

Ещё во время первой проверки, когда их окружил отряд воинов Чжао, наёмные рабочие изрядно занервничали. Теперь же, услышав слова хозяина, они окончательно уверились: стряслась беда. По каравану поползли тревожные шепотки, люди принялись взбудораженно переглядываться, делясь друг с другом крупными слухами.

— Уходите. Все уходите, — Люй Бувэй устало махнул рукой, на его лице отразилось глубокое разочарование.

Немногочисленные верные телохранители тут же обнажили клинки, беря его в плотное кольцо.

Те из наёмников, кто замыслил недоброе, вмиг притихли, не смея сделать и шага.

Земля под ногами продолжала ощутимо подрагивать. Гул копыт становился всё отчётливее. Наконец один из молодых слуг не выдержал и истошно закричал:

— Да чего мы ждём?! Смерти своей?! Бежим!

Не успело смолкнуть эхо его крика, как юноша сломя голову бросился в чащу. Остальные наёмники, видя, что Люй Бувэй и не думает их удерживать, обменялись быстрыми взглядами и гурьбой ринулись следом, будто лесные заросли могли мгновенно укрыть их от неминуемой гибели.

Людей в караване становилось всё меньше. Не прошло и четверти часа, как у повозки остались лишь преданные слуги Люй Бувэя.

Торговец едва заметно кивнул одному из них. Занавеска на повозке, где укрывались Чжао Цзи и княжич Цзычу, тут же распахнулась.

До этого момента Цзычу не понимал, что задумал его спутник, но стоило торговцу отпустить наёмников, как в груди у княжича поселился липкий холод. Он мгновенно разгадал этот замысел.

Пока беглецы рассеивались по лесу, Люй Бувэй мог преспокойно оставаться на месте. Когда нагрянут преследователи, он разыграет перед ними искреннее удивление и сокрушение:

скажет, что в его караван затесались шпионы циньского принца, которые только что выкрали господина и скрылись в чаще!

Увлечённые погоней за знатным заложником и его первенцем, рождение которого ознаменовалось небесным знамением, чжаосцы не станут тратить время на тщательный досмотр повозки Люй Бувэй.

Если младенец не издаст ни звука в эти решающие мгновения, они спасены.

Но станет ли Люй Бувэй так рисковать? Оставит ли он при себе дитя, способное закричать в любую секунду?

Цзычу опустил взгляд, тихонько покачивая на руках новорождённого, укутанного в мягкие пелёнки. На его лице не отразилось ни тени тревоги. Приклонив голову, он коснулся губами макушки сына. Мягкий пушок младенческих волос приятно щекотал губы, даруя ощущение покоя и умиротворения. На душе у Цзычу потеплело.

До своего чудесного перемещения он никогда не держал на руках младенцев. Он и представить не мог, какими хрупкими они рождаются, но сейчас просто не мог заставить себя выпустить этот крошечный свёрток.

Малыш был чудесен: розовая, нежная кожа, густые тёмные волосы на лбу. Глазки его были плотно закрыты, но тонкие складки век уже сейчас обещали благородный разрез глаз. Аккуратный носик, чётко очерченный рот здорового розоватого оттенка — дитя спало так безмятежно, что один его вид заставлял забыть о смертельной опасности.

Цзычу бережно прижал его к себе и прошептал:

— Ты родился в первом месяце года, а значит, имя твоё будет А-Чжэн. Ин Чжэн. В твоих жилах течёт царская кровь клана Ин. Тебе суждено держать в руках бразды правления и властвовать над всей Поднебесной.

Чжао Цзи полулежала на ворохе одеял. Лицо её было бледным от изнурения, но сил у неё ещё хватало. Вот только на её лице не было и следа материнской радости. Сгорая от ужаса, она судорожно вцепилась в ладонь Цзычу, не отрывая испуганного взгляда от открытого проёма повозки.

Цзычу не стал упрекать её. Он лишь ободряюще похлопал женщину по руке, продолжая баюкать младенца. Чжао Цзи в нетерпении едва не оттолкнула его.

Люй Бувэй молча стоял у края повозки, наблюдая за умиротворённым княжичем.

Наконец, нахмурившись, он нарушил тишину:

— Княжич ещё молод. Впереди у вас будет множество сыновей, стоит ли так цепляться за этого? Дитя ничего не смыслит. Если воины Чжао настигнут нас, его плач погубит всех.

— И к чему же клонит Великий наставник? — не поднимая глаз, ледяным тоном отозвался Цзычу. — Говорите прямо.

Люй Бувэй замялся, но всё же выговорил:

— Мои люди верны мне до гроба. Если я прикажу одному из них забрать младенца и бежать в сторону, заставив его кричать в пути, они уведут погоню за собой. Вы же, княжич, будете в полной безопасности.

Не успел Цзычу вымолвить и слова, как Чжао Цзи рванулась вперёд. Превозмогая слабость, она вырвала сына из рук мужа и без тени сомнения сунула свёрток в руки Люй Бувэя.

— Забирай его! — в панике закричала она. — Бежим скорее, чего мы ждём!

Люй Бувэй скользнул по ней быстрым взглядом, полным глубокой брезгливости, но медлить не стал. Он тут же перенаправил младенца стоявшему рядом крепкому слуге.

— Уноси его, — вполголоса приказал торговец. — Береги себя. Если выживешь и вернёшься...

— Кто позволил вам распоряжаться моим сыном?! — Цзычу резко поднялся. В его глазах вспыхнул яростный, ледяной огонь.

Он чеканил каждое слово, устремив на слугу взгляд столь пронзительный, что тот невольно попятился, испуганно прижимая к себе младенца.

— Верни мне ребёнка, — Цзычу сошёл с повозки на землю и требовательно протянул руки.

Слуга, не колеблясь ни секунды, поспешил передать свёрток отцу, стараясь даже не смотреть ему в лицо.

Цзычу бережно провёл ладонью по крошечной спинке сына. Убедившись, что малыш не испугался, он нежно поцеловал его в пухлую щёчку и лишь затем повернулся к жене и торговцу.

Он горько усмехнулся:

— Если так боитесь смерти — убирайтесь. Я своего сына не предаю. Мужчина не покупает себе жизнь ценой собственного дитя.

Люй Бувэй рванулся вперёд, грубо схватил Цзычу за локоть и притянул к себе, сорвавшись на яростный крик:

— Что за глупости вы говорите, княжич?!

Цзычу лишь спокойно улыбнулся в ответ:

— Именно то, что вы слышали.

Лицо Люй Бувэя пошло багровыми пятнами, на висках вздулись вены.

С трудом сдерживая kloкочущую ярость, он шумно выдохнул:

— Вы серьёзно?! Зачем тогда было поминать наш уговор едва мы покинули Ханьдани? Я поставил на вас всё: своё состояние, имя, саму жизнь! Если вы останетесь здесь с этим отродьем, всё моё золото, пущенное на ваш побег, обратится в прах!

Торговец ждал, что княжич устыдится или испугается, но Цзычу лишь прикусил губу, едва сдерживая смех.

Это привело Люй Бувэя в ещё большее неистовство:

— Вы вечно требуете говорить прямо! У нас нет времени на ваши шутки!

Цзычу кивнул, и его улыбка сменилась колкой иронией:

— Боюсь, Великий наставник позабыл, о чём болтал хмельным в Ханьдани. Во время поездки в Цинь вы получили более шести тысяч золотых от госпожи Хуаян и Наследного принца, да ещё царица добавила из личных сбережений четыре тысячи. Поведайте мне, уважаемый Люй Бувэй, как купец, чьё собственное состояние не превышало двух тысяч золотых, умудрился «разориться» на моём побеге? Пожалуй, даже божество богатства не умеет наживаться столь стремительно.

Разоблачение укололо Люй Бувэя в самое болезненное место. Его лицо то бледнело, то заливалось краской стыда и гнева — крыть ему было нечем. Цзычу попал в яблочко: даже если их пути разойдутся прямо сейчас, торговец уже остался в колоссальном выигрыше.

Цзычу не стал добивать его. Смягчив тон, он негромко вздохнул:

— Люй Бувэй, мы слишком долго знаем друг друга, чтобы притворяться. Твоё желание помочь мне вернуться в Цинь — чистый расчёт. Но посуди сам: если я сегодня с лёгкостью откажусь от собственного сына, пощажу ли я завтра тебя — того, кто вынудил меня это сделать? Давай разойдёмся миром. Отныне каждый идёт своей дорогой. Чжао Цзи по-прежнему предана тебе сердцем. Забери её, пусть станет тебе утешением. А я останусь с А-Чжэном. Я его не брошу.

Упрямство медленно угасло во взгляде Люй Бувэя. Он молча созерцал Цзычу, пока наконец из его груди не вырвался тяжёлый вздох. Повернувшись к слугам, он безэмоционально приказал собрать всё самое ценное, сесть в повозки и трогаться.

Перед тем как взойти на козлы, Люй Бувэй неожиданно бросил Цзычу увесистый кожаный мешочек.

— Раз уж княжичу столь хорошо известна моя натура, то вы должны знать: Люй Бувэй всегда предпочитает расставаться добрыми друзьями. Оказаться одному в глуши с младенцем на руках и без гроша в кармане — верная смерть. Возьмите это золото.

Поймав мешочек, Цзычу тепло улыбнулся торговцу:

— Благодарю за щедрость, Великий торговец Люй. До встречи.

Люй Бувэй на мгновение задумался над этими словами. Он был уверен, что княжичу не выжить одному в диком лесу, но всё же сдержанно кивнул:

— Берегите себя, княжич. Прощайте.

Караван тронулся в путь. Люй Бувэй увёл за собой всех, не оставив Цзычу даже захудалой телеги. Из пожитков у княжича остались лишь дорожный узелок да пачка сухих лепёшек.

Цзычу стоял на обочине дороги, провожая взглядом удаляющуюся повозку. Когда стук колёс окончательно затих вдали, он осторожно отвёл ткань от лица спящего сына. Малыш сладко посапывал во сне.

— Ну что, мой хороший, теперь мы одни, — тихо проговорил Цзычу. — Веди себя смирно, а папа нас спрячет.

Он достал из узелка сменные одежды. Одну из рубаш он разорвал на длинные прочные ленты и надёжно примотал младенца к своей груди. Другую разорвал на четыре части и плотно

обмотал ими ступни в несколько слоёв, чтобы скрыть следы и заглушить шаг.

Ступая мягко и осторожно, он скользнул с дороги в густой подлесок, двигаясь в сторону, противоположную той, куда уехал караван.

Вокруг раскинулась безмолвная глушь. Без компаса и карт Цзычу вскоре потерял ориентиры и уходил всё дальше в чащу.

К счастью, его предосторожность с обмотками сработала: он не оставлял следов на влажной земле, и погоня из Чжао промчалась мимо, даже не свернув в его сторону.

Но если сам Цзычу мог без труда потерпеть голод, то его маленький спутник терпеть не собирался.

Княжич укрылся под сенью раскидистого дерева, чтобы перевести дух. Ослабив узлы на груди, он взглянул на сына.

Крошечный А-Чжэн жадно сосал свой большой палец, пачкая подбородок прозрачной слюной. Малыш явно проголодался, но, вопреки ожиданиям, не издал ни единого писка.

Обычно плачущие младенцы вызывают лишь досаду, но эта тишина ранила сердце Цзычу сильнее любого крика.

Он бережно высвободил крошечный пальчик изо рта сына, быстро разжевал кусочек сладкой лепёшки и осторожно, губами, передал её малышу.

— Ай! — вдруг его язык обожгло резкой болью. Цзычу отпрянул, изумлённо глядя на ребёнка.

Он осторожно провёл пальцем по крошечным розовым дёснам А-Чжэна и замер от удивления: во рту новорождённого уже белели ровные, острые зубки. Их было ровно шесть.

<http://bllate.org/book/18277/1750286>